

Глава 3

Ань Цзинъюаня окатило холодом.

Открыв глаза, он увидел до боли знакомое лицо.

Ань Цзинси.

Тот вытирал полотенцем пот с его лица и тела, встревоженно нахмурившись:

— Что с тобой?

Ань Цзинъюань сел, окинул взглядом комнату — оказалось, он лежит на кровати брата. Открыл персональный оптический компьютер: час дня. Значит, провёл без сознания примерно два часа.

— В последнее время быстро устаю, — ответил он. — Спрашивал доктора Бая, он сказал, что, возможно, у меня скоро будет первая течка.

У Омег бывает период росы, у Альф — период восприимчивости.

Период росы у Омег мог случаться раз-два в месяц, однако у Омег низшего класса он протекал почти непредсказуемо — порой не наступал годами. Обычно его переживали с помощью подавителей.

Период восприимчивости у Альф, в отличие от частых течек Омег, наступал реже — примерно раз в пятьдесят дней, — но зато Альфы куда легче поддавались феромонам Омег и впадали в него против воли. Именно поэтому чуть ли не каждый год в Сенате находились сенаторы, требовавшие вовсе запретить Омегам появляться в общественных местах: стоило Омеге войти в течку, как все Альфы поблизости рисковали оказаться втянутыми в период восприимчивости. Подобные новости то и дело мелькали в лентах. По этой же причине среди трёх полов Омегам было сложнее всего найти работу, и по этой же причине Империя обязывала их вступить в брак до двадцати лет.

Обычно первая течка наступала Омег с пятнадцати лет, но Ань Цзинъюань, будучи Омегой низшего класса, до сих пор её не пережил. Для Омеги это считалось телесным изъяном.

Ань Цзинси на миг растерялся:

— А... то есть... мне тебя поздравить?

— С чем?

Две почти неотличимые физиономии уставились друг на друга.

Помолчав, Ань Цзинси неуверенно протянул:

— Поздравляю... с тем, что ты не только по возрасту, но и телом наконец повзрослел?

— А ты сам через период восприимчивости уже проходил? — с недоумением спросил Ань Цзинъюань.

При всей близости отношений в этом деликатном возрасте братья почти никогда не касались столь интимных тем.

—... Конечно проходил.

— Пережил на подавителях?

— Ну да. — Он добавил: — Правда, я высшего класса, так что на меня они действуют слабо.

Чем выше класс, тем хуже помогали подаватели — приходилось полагаться на собственную силу воли.

И ещё одна тонкость. Подаватели для Альф в период восприимчивости свободно продавались в любой аптеке, тогда как продажа подавателей для Омег строго контролировалась: до двадцати лет их ещё можно было купить по личному удостоверению, а после этот доступ пропадал. Официально объясняли так: всякое лекарство — яд, и чрезмерная зависимость от него вредит здоровью. Ань Цзинъюань считал подобное объяснение нелепым — ведь подаватели для Альф никогда и никак не ограничивали.

— Каково это — период восприимчивости? — с любопытством спросил он.

Ань Цзинси задумался.

— Хочется убить всех Альф.

—... Пожалуй, — хмыкнул Ань Цзинъюань, — это будет непросто.

— Ну да, в такие моменты все Альфы кажутся сплошным мусором, реально хочется всех перестрелять.

—... Включая отца?

Уголки губ Ань Цзинси дрогнули в холодной усмешке:

— О, генерала Аня — в первую очередь.

— А потом?

— Сесть в меху и перестрелять всех твоих кандидатов на смотринах, — не задумываясь ответил тот.

—...— Ань Цзинъюань покачал головой. — Нет, я спрашиваю, что ты чувствуешь помимо желания убивать.

— Феромоны трудно контролировать. Ещё какая-то тревога — сам не знаю, откуда она. В такие моменты очень хочется, чтобы ты меня успокоил.

Ань Цзинъюань опешил:

— Меня?

Ань Цзинси вдруг обнял его, уткнувшись лицом в шею:

— Да. Именно тебя.

Ань Цзинъюань улыбнулся — на его обычно холодном лице мелькнула редкая нежность. Он бережно обнял брата в ответ, легонько похлопывая по спине:

— Но ты ни разу не приходил ко мне в период восприимчивости.

— А вот и приходил.

— Что?

— Ты просто не замечал.

Ань Цзинъюань легонько стукнул его по макушке:

— Ерунду городишь.

Ань Цзинси, слегка обиженный, потёр ушибленное место.

Ань Цзинъюань отстранил его и посмотрел прямо в глаза:

— Цзинси, учти: не только Омега способен вовлечь Альфу в течку — Альфа точно так же может спровоцировать Омегу.

— Мы братья. Такого не случится.

— В любом случае впредь не приходи ко мне в период восприимчивости.

На лице Ань Цзинси явно читалось несогласие.

Не успел Ань Цзинъюань добавить хоть слово, как брат спросил:

— Кстати, с кем ты сегодня встречался?

—... С чего вдруг такой вопрос? — нахмурился Ань Цзинъюань, снова вспомнив слова тренера Линя.

— От тебя пахнет чужими феромонами Омеги. Приятный такой цветочный аромат.

У Ань Цзинъюаня дёрнулось веко — дурное предчувствие кольнуло где-то внутри.

— Очень насыщенный запах... — продолжал Ань Цзинси, но вдруг осёкся, почуяв неладное.

Ведь сегодня они менялись местами.

Глаза Ань Цзинси округлились, он недоверчиво уставился на брата:

— Брат, ты сегодня под моим именем встречался с какой-то Омегой?

— Нет.

— Брат, можешь отрицать сколько угодно, но запах феромонов не соврёт...

В комнате повисла тишина.

Помолчав, Ань Цзинси глубоко вздохнул:

—... Брат, иди-ка сначала помойся. Смой этот запах.

Ань Цзинъюань тихо согласился, взял смену одежды и скрылся в ванной.

В поместье генерала Аня на втором этаже у каждого молодого господина и госпожи имелись собственная ванная, кабинет и гостиная для приёма гостей. Поскольку близнецы часто менялись местами, в гардеробной каждого хранилось по несколько комплектов одежды другого. То ли из-за того, что они были близнецами, но ростом братья тоже почти не отличались: у Ань Цзинъюаня — сто семьдесят шесть сантиметров, у Ань Цзинси — сто семьдесят восемь.

Вскоре Ань Цзинъюань вышел из ванной, переодевшись в собственную одежду. Его бледно-лиловые, почти белые волосы всё ещё оставались мокрыми — сушить он их не стал. Тем временем Ань Цзинси лихорадочно рылся в звёздной сети в поисках информации об Омегах.

Тот нахмурился:

— Ты опять не высушил волосы.

— Ничего страшного.

— Это вредно для здоровья.

Ань Цзинъюань на миг задумался:

— Ты тоже никогда не сушишь свои. — И добавил: — К тому же у тебя короткие, сами быстро высыхают.

— У вас, Омег, от природы слабое здоровье.

Ань Цзинъюань вздохнул:

— У меня телосложение класса С.

— А у меня — S+, — заметил Ань Цзинси.

—...

Обычно телосложение Омег было довольно слабым — как правило, где-то между классами D и E; B и C уже считались весьма неплохими показателями. Сила Омег от природы уступала силе Альф и Бет.

Почувствовав, что брат немного расстроился, Ань Цзинси тут же спохватился:

— Брат, давай я тебе высушу волосы.

—... Хорошо.

Тот, кто даже собственные волосы никогда не удосуживался сушить, тут же достал фен — кольцевидный, серебристо-белый. Себе Ань Цзинси им никогда не пользовался, но с самого детства неизменно сушил волосы брату. Быть может, тому виной была врождённая опекунская натура Альфы, но он всегда любил заботиться о старшем брате во всех мелочах и инстинктивно стремился исполнить любое его желание.

Волосы у Ань Цзинъюаня были короткими, и, перебирая пальцами его бледно-лиловые пряди, брат меньше чем за минуту высушил их полностью.

Отложив фен, Ань Цзинси попросил:

— Брат, обнимемся.

Ань Цзинъюань раскрыл объятия, и они обнялись.

В поместье генерала Аня бесчисленные дни и ночи они находили тепло именно так — прижавшись друг к другу.

Их мать, Юань Инсюэ, была женщиной весьма традиционных взглядов — красивая, любимая отцом и братом, выросшая точно оранжерейный цветок. Выйдя замуж за генерала Аня, она навсегда усвоила незыблемое правило: в родном доме подчиняться отцу, а в замужестве — мужу. Даже когда генерал привёл в дом вторую и третью госпожу, она ни разу не устроила скандала.

Но братья не раз видели, как она украдкой плакала, спрятавшись ото всех.

Сердце сжималось от жалости к матери, но они были бессильны что-либо изменить — точно так же, как во время ссор с Ань Синьи: Юань Инсюэ пыталась заступиться за сыновей, пыталась их защитить, но из-за пристрастности генерала в итоге страдали всегда именно они.

С самого раннего детства, чтобы не ставить мать в неловкое положение, братья, сколько бы обид ни копилось в душе, никогда не делились ими с ней.

Ань Цзинси уткнулся головой в шею брата.

Для любого Омеги это было крайне опасно: без защитного ошейника Альфа мог с лёгкостью поставить метку.

— Сегодня я встречался с младшим сыном господина финансового чиновника, Сайласом, — сказал он.

Тем самым Сайласом Наттом, что должен был стать сегодняшним кандидатом на смотринах для Ань Цзинъюаня.

Сам Ань Цзинъюань не питал интереса к браку, да и к этому двадцативосьмилетнему младшему сыну чиновника, чьи вложения, по слухам, то и дело прогорали, не испытывал никаких особых чувств. Он был Омегой, и в двадцать лет ему в любом случае предстояло выйти замуж. Он не строил особых надежд на собственную жизнь, не питал никаких планов — просто плыл по течению.

Он думал, что его жизнь, вероятнее всего, повторит судьбу матери. Хотя, конечно, была и разница: в отличие от неё, будучи мужчиной-Омегой низшего класса, он вряд ли сможет иметь детей — но он считал, что это даже к лучшему.

Для Ань Цзинъюаня было совершенно неважно, за кого выходить замуж.

Разумеется, для поместья генерала Аня это было далеко не всё равно. Из всех возможных вариантов генерал стремился извлечь из этого брака как можно больше выгоды.

Ань Цзинси украдкой наблюдал за выражением его лица и, убедившись, что тот не проявляет ни малейшего интереса, с облегчением произнёс:

— Он полное ничтожество.

—... Вот как.

— Насквозь пропитан альфизмом.

—... Вот как. — Это была общая беда всех Альф: даже низший класс, E или F, страдал тем же альфизмом, что уж говорить о Сайласе Натте — обычном Альфе класса C-D.

Помолчав, Ань Цзинъюань заметил:

— Похоже, сегодняшние смотрины стали для тебя крайне неприятным опытом.

— Именно. — Он добавил: — Даже если этот раскормленный мусор вбил себе в голову

жениться на тебе, я ни за что не соглашусь.

Ань Цзинъюань удивлённо моргнул:

— ... Вбил себе в голову? — Это его действительно поразило.

С пятнадцати лет и по сей день все его смотрины без исключения заканчивались ничем. Дело было не в том, что с самим Ань Цзинъюанем что-то не так, — просто отсутствие феромонов у Омеги низшего класса считалось врождённым изъяном.

В глазах Ань Цзинси мелькнуло отвращение:

— А, он падок на красоту. — Стоило представить, что этот тип станет смотреть на брата так же, как сегодня смотрел на него самого, как хотелось пристрелить его — да что там, перестрелять всю его семью.

Не дожидаясь ответа, он продолжил:

— Если ты вдруг согласишься, я взорву резиденцию финансового чиновника.

Говорил он так, зная: сам Ань Цзинъюань не слишком заботился о собственном будущем. За кого выходить, с кем заключать союз — в рамках имперских законов ему оставалось лишь достойно проживать каждый нынешний день.

Ань Цзинъюань улыбнулся едва заметной улыбкой:

— Не выйду. — Он ласково потрепал брата по волосам. — Не нравится он тебе — найдём другого.

— Хорошо. — Ань Цзинси добавил: — Ты можешь выйти только за того, кого одобряю я.

— Хорошо.

— Брат, я уже всё продумал насчёт твоего будущего.

— ... И какое же будущее? — спросил Ань Цзинъюань.

— Когда тебе исполнится двадцать, я найду надёжного друга, вы поженитесь, но брак останется формальностью — только на бумаге.

—...— Ань Цзинъюань покачал головой. — Даже если твой друг согласится, отец этого не допустит.

Ань Цзинси плотно сжал губы, промолчал, но в глазах его уже зрела буря.

Спустя короткое молчание он произнёс:

— Однажды я стану сильнее генерала Аня.

— Да, у тебя получится.

Ань Цзинси снова прижался головой к шее брата, поднеся нос ближе к железе — месту, откуда Омеги источали феромоны.

Теоретически, будучи Омегой низшего класса, Ань Цзинъюань не должен был источать феромонов вовсе, однако, хотя он только что принял душ, брат всё равно уловил слабый аромат — тот самый, свойственный Омегам.

Это был...

аромат камелии.

Сладкий, свежий, будто несущий с собой умиротворение и покой.

— Брат, от тебя всё ещё пахнет феромонами Омеги, — сказал Ань Цзинси.

Ань Цзинъюань промолчал.

— Я тут просмотрел кучу материалов, — продолжил брат, — про случаи, когда у Омеги изначально не было феромонов, а потом они вдруг появлялись.

У Ань Цзинъюаня дёрнулось веко.

—... Такое случается редко, но случается, — негромко пояснил Ань Цзинси, слегка нахмурившись.

Вероятность ничтожна, но подобное всё же время от времени происходило.

Окончательный пол определялся в пятнадцать лет; первая течка у Омег низшего класса наступала позже, чем у обычных, но у ничтожно малой доли таких Омег во время первой

волны течки происходили резкие изменения организма — это явление называлось третичной дифференциацией.

Переход из низшего класса в обычный, а порой и...

в Омегу высшего класса.

Точно так же, как если бы у человека, никогда прежде не имевшего феромонов, они вдруг появились.

<http://bllate.org/book/20423/2106041>